

НАТАЛЬЯ ГРИБ:

«ЕСЛИ США ОСЛАБЯТ ИЛИ СНИМУТ САНКЦИИ С ТЕГЕРАНА, ИРАНСКИЙ ГАЗ ПРОСТО «ЗАТОПИТ» ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ»

Манипуляции на рынке газа, перспективы долгосрочных контрактов, интересы и амбиции крупных игроков СПГ-сектора – в интервью «Нефтегазовой Вертикали» автора книги «Газовый император: Россия и новый миропорядок», ведущего аналитического телеграмм-канала «Энергетические стратегии», эксперта ИСПИ ФНИСЦ Натальи Гриб.

(Интервью было сделано до событий 24 февраля, которые поменяли вводные данные рынков и запустили фактор неопределенности. Поэтому спикер полагает, что ряд высказанных идей и предположений в интервью могут потерять актуальность, и предлагает спустя несколько месяцев дать повторное интервью исходя уже из нового экономического контекста).

НГВ: Какие можно дать прогнозы по поводу текущего газового кризиса? Как долго он продлится? Что могло бы помочь в его разрешении?

Н. Гриб: Давайте для начала структурируем все причинно-следственные связи, которые сформировали ценовой ажиотаж на рынке газа и электроэнергии в Европе. И тогда станет понятно, как энергетические рынки могут развиваться на разных временных отрезках.

В основе ценового торнадо, который пронесся над Европой прошедшей осенью и зимой 2021-2022 года, прежде всего была заложена ошибка стратегического планирования в Евросоюзе и в большинстве стран, его составляющих. Ошибка заключалась в ускоренном переходе к безуглеродной экономике на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) без достаточно развитой системы промышленных накопителей. Я бы даже сказала, до изобретения технологии накопления, которая позволит сохранять стабильное напряжение в энергосистемах при «рваном» графике поставок энергии от солнечных и ветровых электростанций. Отказываться от углеводородов до разработки и внедрения надежной системы накопителей – это значит, балансировать энергосистему на грани блэкаутов в принципе. Еще в 2014-2016 годах, когда Европа начала активно отказываться от строительства газовой генерации, – ни одна газовая электростанция не получила экологического согласования в Германии, Франции и на многих других ключевых рынках ЕС. Уже тогда было понятно, что в Европе в 2022-2024 годах может сформироваться дефицит электроэнергии, как минимум, на региональном уровне. Сегодня именно так все и происходит. Проблема не исчерпана, и даже непонятно, когда она может быть разрешена. Ведь, во-первых, закрываются АЭС: в конце января 2022 года закрылись три АЭС в Германии и еще три должны быть закрыты до конца года; а во Франции потребовался долговременный ремонт старым атомным энергоблокам, и они были остановлены минимум до весны 2023 года. Во-вторых, интерконнекторы не являются панацеей в одном часовом поясе, так как балансируют систему в режиме суточных перепадов «день-ночь», но без возможности регулировать в режиме полупиков и того самого «рваного» графика нагрузки в полном объеме. С учетом всего этого мы приходим к выводу, что Европе необходимо и дальше развивать систему накопителей. Проблема потенциального дефицита энергии может сохраняться до 2027 года – с учетом ввода новых ГАЭС и масштабирования накопителей на основе литий-ионных и других систем аккумулирования энергии, включая водородные.

НГВ: Что вы думаете о скачках стоимости газа? Можно ли было как-то воздействовать на ситуацию?

Н. Гриб: Во второй половине прошлого года мы наблюдали парадокс ценового торнадо на газовые фьючерсы, когда в течение месяца биржевые котировки взлетели

в два-три-четыре раза и пробили совершенно невероятный потолок – \$2000 за тысячу кубометров, но при этом дефицита газа как такового осенью 2021 года в Европе не было. Да, был ярко выраженный дефицит физических объемов на рынках Великобритании и Нидерландах. И возник он по причине того, что танкеры с СПГ, преимущественно американским и катарским, на которые рассчитывала Европа, всю весну и лето меняли маршрут и направлялись на азиатские рынки, где цены были выше европейских. Плюс технические аварии случились прошедшим летом практически у всех – в Великобритании, Норвегии, Франции, у «Газпрома». И так называемый «газовый кризис» случился на фоне регионального дефицита электроэнергии именно в тех регионах, где доля ВЭС была высокой, а ветер не оправдал прогнозы синоптиков и ожидания энергетиков. Такие ситуации могут повторяться неоднократно в ближайшие пять-семь лет.

При этом, по данным Федеральной таможенной службы России, «Газпром» поставил в 2021 году столько же газа, сколько и в 2020 году (+0,5%). Обвинять компанию в том, что она игнорировала заявки европейских потребителей или, наоборот, наживалась на них, – дело неблагодарное. Средняя экспортная цена «Газпрома» в 2021 году составила \$272,8/тыс. м³ – вдвое ниже, чем на ТТФ – \$554/тыс. м³ в среднем. Другое дело, что у «Газпрома» оставалось достаточно много газа в европейских хранилищах, что позволило ему удвоить выручку от экспорта трубопроводного газа до \$55,5 млрд в прошлом году (по данным ФТС).

О том, что цены на газ вышли из зоны простых биржевых спекуляций, многим стало понятно к середине сентября. Тогда же можно было урегулировать ситуацию, воспользовавшись правом корректировки контрактных цен в долгосрочном договоре по причине форс-мажора. В начале октября 2021 года я на своем телеграм-канале «Энергетические стратегии» писала, что если до конца ноября не урегулировать вопрос цен на газ на европейском рынке, то этот безумно высокий уровень фьючерсов перейдет в первые контракты «Газпрома» с формулой цены с лагом в два-три месяца с привязкой к спотовым ценам. И это может привести к более существенным последствиям. Европейские потребители начнут реально сокращать объем потребления российского газа в пользу нефтепродуктов и угля. А это уже будут ощутимые потери. При этом на декабрь придется только корректировка. А основные изменения в структуре отбора, связанного с фьючерсным торнадо, для «Газпрома» придутся на первую половину 2022 года... Тогда было время для того, чтобы сесть за стол переговоров с Еврокомиссией и общими усилиями нивелировать возможные разрушительные последствия для мирового рынка газа. Судя по всему, этого так и не произошло. Поскольку объем экспорта «Газпрома» в страны Европы в январе 2022 года сократился на 41% к январю 2021 года.

НГВ: Кому было выгодно ценовое ралли на газовом рынке?

Н. Гриб: Цены на ТТФ поднимались несколькими волнами – и эти волны каждый раз предшествовали принятию тех или иных политических решений, направленных против природного газа как товара и недорогого экологически перспективного энергоресурса. Первая волна поднялась накануне климатического саммита ООН в Глазго, где ряд стран планировали отказаться от природного газа и атома в погоне за низкоуглеродным ведением хозяйства. Германия и Великобритания были готовы выступить единым фронтом и поддержать США. Но Франция явно смешала им карты с ее доминирующей атомной генерацией в энергосистеме. И быстро наступившее осознание технологической неготовности мировой энергетики к переходу к новому укладу обнажило истинные намерения англосаксонских политиков: их атака на газ и атом потерпела фиаско. Цены на газ припали, но ненадолго. Вторая волна поднялась накануне принятия Еврокомиссией новой «таксономии» – документа, предусматривающего льготы для инвесторов в разные виды генерации. И снова намерение ряда политиков «задвинуть» газ на задворки истории провалилось. И мы сейчас наблюдаем откат в развитии ВИЭ: если до ценового ралли на газовых рынках Европы конечный потребитель платил специальный тариф (22 евро во Франции и 32 евро в Германии на каждый МВт*ч), за счет которого дотировалось строительство новых ВИЭ-мощностей, то по итогам роста цен на газ и электроэнергию, правительство Франции отменило этот налог (понижило до 1 евро/МВт*ч) и правительство Германии задумалось о том же. Из чего я могу сделать вывод, что поборники ВИЭ не могли «снести» природный газ с мировой энергетической сцены до 2050 года минимум. И это значит, что резкий взлет цен на газ был выгоден инвесторам в производство ВЭС и СЭС.

И еще существенный момент... Американцы решили не продавать свой СПГ в Европе дешевле \$800/тыс. м³, поскольку из-за высоких транспортных расходов им было это невыгодно. Зато при повышении планки до \$1000/тыс. м³ и выше, маржинальная торговля стала возможна. Для этого они полгода «накачивали» информационное пространство об ожидающемся дефиците – и им таки удалось продать кота в мешке брокерам – в январе 2022 года сложилась ситуация, когда газ по долгосрочным контрактам «Газпрома» взлетел в цене до \$1400/тыс. м³, а в биржевом сегменте «на сутки вперед» он торговался по \$950-1200/тыс. м³. По-моему, это и была заданная цель. Поэтому американцам выгодно, чтобы газ в Европе балансировал в коридоре \$800-1200/тыс. м³ как можно более продолжительное время.

НГВ: Какая цена газа является справедливой для рынка?

Н. Гриб: Считаю, что \$700/тыс. м³ – это потолок, который европейские потребители могут переварить, не отказываясь от природного газа как от товара и энергоресурса. Вообще, я бы считала приемлемым коридор – \$450-700/тыс. м³. Поскольку налоги на газ и газовую генерацию в Европе были давно уже высокими – европейские потребители платили в два раза дороже, чем «Газпром» продавал свой газ трейдерам и контрагентам.

НГВ: Каких изменений на рынке стоит ждать после стабилизации ситуации? Появятся какие-то новые тренды, произойдет изменение в политике?

Н. Гриб: Это очень хороший вопрос. Он многогранный и многоплановый. И в рамках этого интервью могу обратить внимание только на ключевой факт, который грозит разрушить всю стройную систему поставщиков газа в Европу. Если США ослабят или снимут санкции с Тегерана, иранский газ просто «затопит» европейские рынки и поглотит многих производителей СПГ в силу невысокой себестоимости добычи газа на месторождении Южный Парс. Впрочем, это может случиться только в одном случае – если США признают для себя рынок Европы стабильно непривлекательным. Что не может произойти в ближайшие пять лет. Скорее, это перспектива 2030-2040 годов.

НГВ: Возможно ли создание на рынке газа регулятора по типу ОПЕК+? Если да, то в какой перспективе? Кто заинтересован в создании подобного органа?

Н. Гриб: Это невозможно в принципе. Ценовое ралли устроили поставщики. Как только физических объемов газа на рынке снова станет в избытке, цены естественным образом снизятся.

У стран-производителей газа был шанс создать действенный мировой регулятор в 2007 году. Но тогда никто не решился идти против американских санкций – в период организации Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ) в конгрессе США рассматривали законопроект, приравняющий картельный сговор к военным действиям и позволявший правительству США предпринимать ряд мер, вплоть до военного вторжения. И если тогда никто не решился, то сегодня США стали крупнейшим производителем СПГ в мире, обогнав Катар, и уже некому поднять паруса ФСЭГ. Поскольку официальная Доха традиционно сверяет свои действия на международных рынках с Вашингтоном, то можно смело констатировать, что США и Катар синхронизировали свои действия, в том числе и в течение 2021 года. Австралия в вопросах внешней торговли между Китаем и США выбрала США, поэтому газовый вентиль мировых рынков сегодня активно крутят в Вашингтоне. Ровно эта причина не позволила превратить формальный форум в дееспособный регулятор по типу ОПЕК+. Должна сказать, что рынки газа и нефти, несмотря свою схожесть, живут каждый по своим правилам. И примерять матрицу нефтя-

ного рынка к газовому нельзя – эта существенная ошибка приводит к неправильным выводам в сценарных прогнозах и стратегическом развитии корпораций.

НГВ: Насколько реален для Европы отказ от долгосрочных контрактов по газу после 2049 года, о котором заявляет Еврокомиссия? Если да, что это будет означать для России? Как можно сгладить последствия такого шага?

Н. Гриб: После принятия Еврокомиссией рекомендаций инвестировать в газовые электростанции исключительно до 2030 года (всего-то 9 лет), последствия этого решения необходимо прогнозировать серьезно – с масштабными выкладками данных и ссылками на все маршруты поставки, с учетом регазификационных терминалов по странам, с прогнозом развития производства СПГ в Катаре и остальных регионах.

НГВ: В контексте сокращения поставок российского газа в Европу сообщалось о переговорах европейцев с альтернативными поставщиками – США, Катаром, Австралией. В какой степени эти альтернативные поставки смогли бы заменить газ из РФ? Стоит ли ожидать от Европы заключения долгосрочных контрактов на поставку СПГ с Катаром и другими поставщиками?

Н. Гриб: В первую очередь, следует обратить внимание на своповые поставки Азербайджана, Ирана и Туркменистана, которые подписали коммерческое соглашение о замещении объемов газа в торговле на нескольких рынках, включая европейские. Учитывая, что у Туркменистана с его неограниченными запасами впервые появилась возможность выйти на европейский рынок в обход России, из него в среднесрочной перспективе может получиться довольно серьезный конкурент. Так же, как и у Ирана. Что касается Катара, все ответы кроются в его инвестиционных программах по развитию мощностей СПГ. Для ответа на вопрос про Австралию нужно подробно разобрать китайский кейс. Но это уже не предмет нашего разговора.

НГВ: Как будет меняться соотношение трубных и СПГ-поставок из России на европейском направлении в среднесрочной перспективе, и повлияет ли это на будущее Северного Потока-2?

Н. Гриб: Это совершенно отдельная тема для разговора и очень красивый многоуровневый философский вопрос. На весы можно положить достаточно много аргументов «за» и «против», чтобы он стал отдельным предметом для диалога или дискуссии. Дело в том, что суммарная пропускная способность всех газопроводов из России в Европу, с учетом Северного потока-2, позволяет закрывать свыше 80% потребностей континентальной Европы в газе. Как пообещали в 2008 году окружить Европу российской газотранспортной системой с обеих сторон, так и сделали. В парадигме 2010 года эта стратегия вы-

глядела беспроблемной и надежной. И все бы было хорошо, если бы не сланцевая революция в США, которая позволила сначала удовлетворить потребности американской экономики, а потом реализовать амбициозные задачи энергостратегии США – стать мировым лидером по добыче нефти и газа.

Так вот, в прежней парадигме 2010 года строительство многочисленных заводов СПГ в России было «злом», так как разрушало стройную концепцию по удовлетворению потребностей Европы в природном газе за счет единого централизованного канала – вертикально-интегрированной корпорации. Концепция была настолько стройной, а европейский рынок – настолько защищенным, что американцам понадобилось 13 лет последовательной раскачки системы торговли, чтобы пробить брешь в стенах этого «замка». Проблема в том, что Европа по не понятной до конца причине, но в угоду американским амбициям, разрушила прежде всего свои нефтегазовые корпорации (кто вспомнит сегодня E.ON Ruhrgas? Хотя еще 10 лет назад это был крупнейший в Европе энергетический концерн с крупным газовым подразделением). Газ и электричество при этом не стали для европейцев дешевле, но новая инфраструктура – регазификационные терминалы – появилась по всему европейскому побережью. А новую инфраструктуру надо окупать. Поэтому каждый инвестор будет голосовать рублем за свои проекты.

НГВ: Чего ждать от мирового рынка СПГ? Произойдет ли перестановка сил (в плане крупнейших игроков – экспортеров, импортеров)?

Н. Гриб: Перестановка сил уже произошла. США сместили Катар с позиции признанного мирового лидера СПГ, которую тот занимал более 10 лет, и в 2023 году еще планируют удвоить экспорт СПГ. Поэтому не считается с США на рынке природного газа точно уже не получится. При этом в конце 2021 года США принимают решение о возобновлении масштабного строительства газовых электростанций на среднесрочную перспективу и тем самым обеспечивают хорошую перспективу для использования природного газа на внутреннем рынке вплоть до 2050 года.

Относительно перестановки сил со стороны импортеров могу сказать, что это живой, хорошо растущий рынок, действующий по вполне понятным законам. И хорошие маркетинговые исследования позволяют компаниям выбрать правильный вектор развития. А вот с точки зрения энергополитики государства я бы включила в знаменатель любой формулы расчетов тот непреложный факт, что СПГ становится конкурентом водорода и аммиака в перспективе 2030-2050 годов. К примеру, Южная Корея этого и не скрывает. Продаваться быстрее будет тот товар, который будет дешевле. В этом плане ценовое ралли на газовом рынке способствует развитию указанных направлений. ❗